

ДЕНИС ПРОХОР

**ХРОНИКИ ОНОДАНГИ
ДУША АЙЛЕКА**

18+

Денис Прохор

Хроники Оноданги. Душа Айлека

«Автор»

2018

Прохор Д. В.

Хроники Оноданги. Душа Айлека / Д. В. Прохор — «Автор»,
2018

Один из романов о приключениях геолога Егора Бекетова. Время действия: лютые 90-е. Читать только тем, кто любит О'Генри, Ильфа и Петрова и "Автостопом по галактике" до кучи. А больше никому! Слышите гражданин Никому. Я персонально к вам обращаюсь. Всем остальным приятного чтения.

© Прохор Д. В., 2018
© Автор, 2018

Содержание

ГЛАВА 1. ДВА КАПИТАНА.	6
ГЛАВА 2. ОН, ОНА И КОЕ-ЧТО ИЗ ГИПСА.	12
ГЛАВА 3. ЭТОТ ПРОСТО ДУШНЫЙ ПОНЕДЕЛЬНИК.	16
ГЛАВА 4. ШЕРШАВЫЕ ДРИМЫ.	22
ГЛАВА 5. ПТЕРОДАКТИЛЬ.	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Денис Прохор

Хроники Оноданги. Душа Айлека

ГЛАВА 1. ДВА КАПИТАНА.

26 мая 1995 года по землистому Охотскому морю, с окоченевшими от утренней прохлады буграми волн, катил в сторону Камчатки катер пограничной службы. Серый, приземистый, с раздирающей небо и землю тревожной крякалкой на низенькой мачте, он вышел из бухты Магадана в ночи. Провожали его темная глыба Евразии и несколько сурового вида людей с крепко сжатыми кулаками и лицами. Они подошли к катеру на моторной лодке. Забросили на палубу деревянные зеленые ящики и улыбчивого человека с солнечными волосами и расплывчатыми неопределенными глазами. Оказавшись на борту, он тут же поздоровался со всеми до кого мог дотянуться его неожиданно глубокий прокуренный басок.

– Здрасти Насти, я Карась.

Ему слабо мимоходом ответили те, кто находились в то время на палубе. Разве что Мия широко улыбнулась и толкнула Егора.

– Смотри, какой смешной.

В ответ Бекетов нахмурился и отвернулся. Разговаривать совсем не хотелось. Хотелось дышать морским солоноватым воздухом и чувствовать как тело еще недавно отзывающееся болью наливается силой. Так не нужной ему и так нужной земле.

Деревянные ящики разместили у носовой пушки. К ней было привязано школьное пианино "Красный Октябрь". Солнечный Карась взобрался на ящики, прислонился к пушечному лафету, потуже завязал вокруг себя свои руки и закрыл глаза. И ничуть ему не мешало то, что Мия открыла крышку пианино и скользнула несколько раз по желтым клавишам легкими тонкими пальцами. Мия разминалась, как и окружающее ее утро. Вслед за оранжевой полосой на далеком горизонте, в прохладном тающем воздухе повисли хриплые с колымской беломоринкой, разноуровневые звуки, в конце концов сложившиеся в увертюру Малера. Поднявшийся около 8, налившийся теплом, знойдовый ветерок не только вытянул за шкварку, заспавшийся за горизонтом, солнечный диск, но и смахнул с клавиш, сковывающую их прошлую зековскую осторожность. И да... Черт его побери. Бени Гудман. Бени, мать его Алабамский Соловей, Гудман, проник со всем своей невозможностью между молекулами океанского воздуха и оставался там еще долго после того как Мия закрыла желто-черные клавиши расцарапанной лакированной крышкой. Карась покивал головой. Он спрятал в карман длинную бумажную трубочку.

– Ух, ты Бах-Барабах даже Кутх заслушался.

– Кто?

Егор выстроил себе местечко между ящиками с помидорами напротив компактной горки из клетчатых сумок. Их охраняли две широкоплечие тетki в химических завивках и китайских артериальных куртках перетянутых поясными сумочками.

– Кутх – повторил Карась и показал на плоскую короткую мачту над капитанской рубкой. Там в перекрестье, на сером репродукторе тревожной крякалки, утвердился жирный с черным полированным опереньем ворон.

– Он...Бродяга...У Бога Камчатку свистнул. А мог бы Сочи, обалдуй. Кинь-ка, помидорку, человеке. – позвал Карась маленького тщедушного кавказца, сидевшего рядом на складном рыбацьем стульчике.

– Свои надо иметь, братишка. – проворчал кавказец. Он встал со стульчика, покопался и выбрал самый плохонький. Бросил его Карасю.

– У меня своего нет – ответил Карась. – Я из старого закона пророс. Все твое-мое, когда надобность встанет.

Карась прицелился и метнул помидор в ворона. Не попал, но ворон хлопал крыльями и тяжело, словно с одышкой, поднялся вверх. Он облетел идущий катер по кругу, что-то высматривая. Наконец снизился, пролетел мимо капитанской рубки, где за маленькими квадратными

окошками виднелась фигура капитана в идиотской новопринятой фуражке с высокой тульей. Эту пиночетовку ввел министр Грачев, человек с лицом оставшегося на сверхсрочную Бориса Абрамовича Березовского, развернувшего свои интриги во вселенских масштабах вещевого склада. Плохо, когда страной управляют вкусы. Безнадежно, когда у страны вкуса нет вовсе. Ворон опустился на ящики, так чтобы его не заметили. Поднялся вверх и снова по тому же сложному маршруту облетел катер и замер на какое-то мгновение над Карасем. Крепкий, среднего размера ананас попал точно в цель. Прямо в голову с солнечными волосами.

– Ах, ты, цица.– Карась поднял вверх смеющееся лицо. Он взял ананас. Прицелился, широко размахнулся и вместо того чтобы бросить, быстро спрятал ананас за пазуху.

– Вот тебе... А это тебе, малюта.

Он протянул Мие, которая смеялась заливистым круглым смехом, батончик Сникерса.

– Можно– спросил Карась у Егора.

Бекетов коротко кивнул.

– Какой у тебя, батька, смурной– сказал Карась.– Что тебе застит, человечек?

– Жизнь.

– Жизнь...Смысл. Паралелипипед. Творожок "Буренка". Коли позволено жить, живи и не пыхти в седалище. Бестолковое это дело.

Егор кивнул

–Я подумаю.

–Смурной– повторил Карась и затих.

Егор обнял Мию за плечи и притянул к себе. Какое-то время они сидели молча, разглядывая простенький с избытком акварельных красок пейзаж, где небо и море переливались друг в друга, обтекая со всех сторон желтый поросячий пяточок солнца.

–Егор! Гляди.– Мия привстала и показала рукой вперед. Далекий рыбацкий сейнер заметила не только Мия. Катер неожиданно стал притормаживать и поворачивать в сторону незнакомого судна.

– Браконьеров идем хапать – сообщил Карась. – Дай им Бог здоровья.

По палубе, загруженной ящиками, коробками, сумками забегали матросы. Ожила крякка и триколор на мачте тоже задвигался как-то неожиданно энергично и бодро. Катер заложил круто вправо и пошел на сближение.

– Эх – сокрушался Карась. – Догоним ведь! Что же они...Кнопка...а...

На сейнере катер заметили. Суэта началась крупная. Побегом руководил капитан. Сильная, миловидная женщина, одетая в ушитый выстиранный полевой комбинезон. Она отдавала краткие, опытные, но с женской размытостью по выметенным углам, приказы:

– Сеть, Яремчик, сеть! Не порви, дьявол!

Лебедка выбирала из воды мелкочаеистую сеть. Подбирал ее, подтягивал к борту длинный косматый парень в турецком с золотыми вышитыми на пузе буквами.

– Че ей станется сетке этой. Не авоська тещина.

– Кофту не порви! Ленка за ней в Петропавловск гоняла. Ким, Ким! Володя! Что там? Сидящий на носу пухлый кореец обернулся.

– Кажись 25-й. Савельевна.

– Точно говори.

Кореец снова поднес бинокль к глазам.

Точно. Точно тебе говорю. Петрович идет.

– И че ты лыбишься! Че лыбишься? Ким. – закричала капитан – Бегом к Рушничке. Сваливай рыбу поживей.

Ким и Рушничка, бородатый, мордатый мужик, широкими снежными лопатами сгребали и бросали за борт рыбе еще живое чешуйчатое серебро. На палубе появился худой мальчишка в черной бейсболке с американским орлом и облупившимися буквами USA.

- Семка. Дуй вниз, кому сказала.
- Там что папа идет. – спросил мальчик.
- Папа. Я тебе дам, папа. Дуй, говорю с палубы, кому сказала.
- Капитан старалась не смотреть в сторону приближавшегося катера.
- Что? Что? Коля, родненький.
- Не, Савельевна... – из трюма выбрался перемазанный механик в вдвешной тельняшке.
- Сдох наш, япошка. Как есть сдох.
- Коленька, ты же можешь...
- Не, Савельевна. – механик уселся на палубе, вытащил пачку бело-коричневого Памира.
- Вот если бы наш Краснопартизанский машиностроительный... А здесь нет. Сгорела хренотень и сдох Мицубиси. Сгорела хренотень а КАПМАШ тока пропердится. Восток и Запад и вместе им не сойтись – неожиданно Кипплингом закончил свое выступление механик. Окутался клубами сизого пахучего дыма. Сидел неподвижно пока катер не подошел совсем вплотную. Сейнер качнулся с одного борта на другой, но его капитан устоял на месте. На катере открылось окошечко. Оттуда сначала появился сильный локоть, а затем победное лицо с грустными запорожскими усами.
- Здорово, ребята. Че, не клюет?
- Здравствуй, Аркадий Петрович – нестройно отозвались рыбаки.
- Капитан у вас какой-то невеселый. Че, капитан, обломилось? Обломилось...
- Чего ты лыбишься, Парамонов? – Савельевна перешла в наступление.
- Прыгаешь на своем драндулете. Вот и прыгай.
- Это ты, Катя, зря...
- Прыгай, прыгай....Водитель помидоронесущей маршрутки.
- Привет, пап...
- Семка, я где тебе сказала быть?
- Сынок... – запорожские усы пошли в разные стороны. Аркадий Петрович снял пиночетовку и вытер лоб.
- Гляди, что у меня есть...
- Капитан вытащил яркий сверток и бросил его сыну. Это была модель боевого корабля.
- Ух, ты. Клево.
- Что сказать надо, Семка – вмешалась мама.
- Спасибо, папа.
- Скажи-скажи ему сынок... Просто зла на тебя не хватает, Парамонов. Если бы мы эту рыбу продали уже бы в следующем году в новый дом въехали. А теперь...
- Ты меня, Катя, на слезу не бери...
- Да ну тебя.... – отмахнулась Катя – Когда дома будешь?
- Недельки через две... Вы теперь куда?
- К Лебяжьей Балке... Ваших там нет?
- Катя!
- Дурак ты, Парамонов.
- Сема.
- А?
- Не сломай боевое судно... И это мамку нашу это... Понял? Касатонов! – крикнул капитан. Молодой матрос с пачкой цветных листовок, перекрещенных бечевкой, подбежал к борту и бросил ее на палубу сейнера.
- Что это? – спросила Катя.
- Наглядная агитация.

– Все голоснем. – отозвался механик. – Москва для Шершавкина это то что надо. Это такой человек. Даже тюрьма от него бежит.

Механик с кривой улыбкой смотрел на листовку в своей руке. Там был изображен довольно молодой человек с припухлыми детскими щеками и взрослыми пожилыми глазами. На Шершавкине был двубортный пиджак цвета консервированных оливок и узкий атласный змеиный галстук. От плеча Шершавкина шла вверх рука с бело-розовым кулачком зефирной консистенции. Тем не менее надпись под портретом была грубая и щетиниста.

– Вор знай свое место!

– Дорогой ты наш – окурок Памира с тихой невозмутимой медлительностью жег лицо Шершавкина. – Одно-мандатник.

– Куда? А ну подбери. – закричала Савельевна. Механик скомкал проженную листовку и бросил ее в мятую топливную бочку.

– Не дома, Савельевна. – огрызнулся механик.

– Так и не в гостях. – двусмысленно срезала его капитан. – Давай в трюм. Качай япошку или сколько мы будем здесь табанить. Сил на вас нет. Парамонов?

– Ась. – капитан катера высунулся из окошка вслед за неизменным локтем.

– Все. Уходишь, Парамонов?

– Ухожу, Катя...

– Уходит. – проворчала Катя. – А шарфик где?

– Вот.

– Горло замотай. Не хватало еще ангины в дом принесешь... Чего ржешь?

– Ничего... Спасибо, Катя.

– За что?

– А за все... Семка.

– Ай.

– Мамку береги.

Катер отходил от сейнера деликатно, почти не качаясь. На палубе стояла Катя и просто смотрела непростым взглядом. Карась взглянул на Мию.

– Так оно, кнопа...

– Что? – спросила Мия.

– Ромео и Джульету знаешь?

– Конечно.

– Забудь. Мы сейчас с тобой что-то настоящее видели. Я знаю.

– Откуда? – недоверчиво спросил Егор.

– Откуда? – Откуда и все, человек. Из далекого оттуда, конечно. Так что смиришься, смурной..

В плавно изогнутую бухту порта Крашениникова с зелеными выветренными скалами-одиночками на входе пограничный катер пришел к вечеру. Швартанулся у флотской пустой высеребренной лунной пристани.

– Негустой у вас багаж. – сказал Карась, когда они очутились на пристани. У Егора за плечами был солдатский вещевой мешок а у Мии школьный ранец с желтым катафотом на пряжке.

– Нам в геологоразведку надо – сказал Егор.

– К Понедельнику что ли?

– Да.

– Ну это с утра... А сейчас чего?

Егор пожал плечами.

– Есть же здесь гостиница.

– Не думал?! – восхитился Карась.. – Вот ты каравай от слова корова. Про себя ладно... А малая?

– Она со мной?.

– Это, конечно, железобетон... О, мои подъехали....

На набережной остановились несколько больших черных машин. Из них вышли люди, почти такой же внешности и темперамента, как и те, что провожали Карася. Впереди широко шагал крепкий невысокий мужчина с пудовой головой, вросшей в широкие вислые плечи. На нем был кожаный распахнутый плащ и желтый пиджак с черными брюками, которые заканчивались обрезанными резиновыми сапогами. На ходу мужчина развесил в стороны свои толстые сильные руки.

– Карась. – мужчина крепко обнял Карася.

– Добрался?

– Есть такое.– ответил Карась.

– Не один. – мужчина скользнул по длинным деревянным ящикам.

– Впятером мы.

– Хапай, мужики.

Подошедшие мужчины подхватили ящики и поволокли их к машинам.

– А вы чего? – спросил мужчина у Егора.– Пойдем у нас переночуете.

– Мы в гостиницу. – сказал Егор.

– А я про что...

– Пойдем – улыбнулся Карась. – Вы Барселонова Григория Степановича не бойтесь....

– Это пока – рассмеялся Барселонов.

– Разве что...– Егор не хотел соглашаться, но посмотрел на озябшую Мию.

– Мы до утра.

– А забесплатно кто вас дольше держать будет. Ты не Чубайс а я не электорат чтоб за фуфу работать.

Порт Крашенинникова от края до края проехали в минут пять по горбатой с треснувшими пятками подъемов дороге. Потом были железные ворота в свете сильных ламп и длинный сад, взявший темно-синее небо в венозную сеточку дрожащих ветвей. Когда выбрались из машины, Егор увидел здание блеклой архитектуры со стенами, выложенными крохотными квадратами плитки. Такие строили в 70-е годы и размещали в них жилые дома, цеха, пансионаты и пионерские лагеря. Скорее всего это был бывший пионерский лагерь. Прямо у широкого низкого крыльца в круглой чаше на постаменте стояла крупная спортивная девушка в длинных свободных шортах. В таких Мария Лазутина выиграла олимпиаду 1956 года, а слесарь Вострецов гонял по коммунальной кухне свою жену. А еще было весло.

– Нравится? – спросил Барселонов, увидев интерес Егора.

– Черт его знает.

Хорошо отвечаешь. Пристрелочно.

Егора с Мисей разместили на первом этаже. Если это и был когда-то пионерский лагерь, поработали над ним изрядно. Лепнина, позолоченные плинтусы и люстры похожие на перевернутые канделябры, свисающие с потолка. Общее впечатление портила разве что батарея парового отопления, по какой-то неведомой причине зависшей в немом недоумении под потолком.

– На память оставил. – сказал Барселонов Егору, когда они шли по коридору.– Шабашка – это кака.

Барселонов открыл дверь с бронзовой львиноголовой ручкой.

– Поесть принесут. Это пульт от телека.

Барселонов указальна палку с захватом на конце.

– Нам бы утром в геологоразведку. – сказал Егор.

– Отвезут. – ответил Барселонов.

В дверях стоял Карась и подмигивал Мии пока его своим плечом не закрыл Барселонов.
– Все. Спите. – Барселонов закрыл дверь. Егор и Мия остались одни.

ГЛАВА 2. ОН, ОНА И КОЕ-ЧТО ИЗ ГИПСА.

На втором этаже, в кабинете Барселонова, прямоугольной, отдававшей кацелярией, комнате, раскрыли ящики.

– Еле перехватил – хвастался Карась. Он сидел за столом и ел впопыхах с мятой серой газетки колбасу и хлеб.

– Чечены теперь все подряд гребут.

Барселонов держал в руках узкую зеленую трубу с робким едва заметным раструбом. В открытом ящике рядом с пустым отделением лежала стройная желтая с плоским кончиком и низкой талией граната. Барселонов вставил ее в трубу, поднял вверх планку прицела и прицелился поверх Карася в темное окно.

– Хорошо. – с наслаждением поцокал языком Барселонов и снял гранатомет с плеча.

– Чеченам значит Слон продает? – спросил Барселонов, укладывая трубу и гранату назад в ящик.

– Я бы не продавал. Нет здесь того что надо.

Барселонов не согласился.

– Что ж. Они деньги дают.

Карась вытирал тонкие губы пальцами.

– Телевизор ты смотришь? Пацанов наших столько положили.

– Это не мой мир. Я за него не в ответе.

Барселонов закрыл ящик и поднялся на ноги.

– Сами разберутся. У нас своих дел. Вот где!

Барселонов отодвинул стул и сел напротив. Карась вытер руки о куртку и достал из нагрудного кармана бумажную трубочку перевязанную ниткой. Он протянул ее Барселонову.

– От Слона.

Барселонов поддел ногтями нитку и развернул узкую бумажную ленту с одним неровным краем. Первый раз прочитал быстро, почти не вдумываясь, потом посмотрел на Карася, прищурился и еще раз внимательно перечитал полученное послание. Сложил бумажку и положил ее в карман.

– Нехорошо – заметил Карась. – Жить маляве долго нельзя.

– Я сам решу... – отозвался Барселонов. – Давай лучше выпьем. Банджо! – крикнул Барселонов..

Высокий парень с бессмысленным лицом принес на жостовском подносе бутылку "Финляндии", два старорежимных лафитника и горсть ирисок "Золотой Ключик". Барселонов разлил водку. Карасю по краю, а себе вполовину. Выпили стоя. Карась ухнул как в трубу. Барселонов в два широких глотка. Карась развернул ириску, положил в рот, а фантик скрутил жгутом и бросил на поднос.

– 25-й завтра обратно пойдет.

– Мг. – рот Барселонова связал Золотой Ключик. – Пусть идет. Мы и ему кое-что докинем. Слону в обратку.

– Хорошо. – Карась широко зевнул. – Если правильно обернемся. Завтра к вечеру домой.

– Зачем? – Посидишь тут. Я как раз на рыбалку собрался. К каперангу на СОПЛО

– Слон написал?

Барселонов покачал головой.

– Проблемы там у него... Следующие недели может быть беспокойно.

Карась вцепился взглядом в лицо Барселонова. Изучал внимательно. Барселонов взгляд-удар держал крепко как боксер-перворазрядник.

– Как скажешь – наконец улыбнулся Карась. – Ты за все мазу держишь.

– По закону так.

– Так я и не возражаю.

Барселонов и Карась снова выпили и Карась спустился вниз, прошел мимо двери с львиноголовой ручкой, в конец коридора, где у него была своя комната без такой ручки. Когда все начиналось году эдак в 1988, Карась вместе с Барселоновым были двумя авторитетными ворами. До того как государство крякнуло и понеслось вниз. Воровали, мошенничали и бегали от Левиафана, чтобы не сгубить живую воровскую душу. Но все начало закручиваться в другую сторону и это не нравилось Карасю. Не так...

Карась захватил свитер крестом и снял его через голову. Татуировками был разделан от шеи до талии. Купола, звезды и изуродованные расплюснутые пальцы в перстнях. Карась растелил узкую пружинную койку накрылся тонким синим одеялом с черными полосами. Засунул руки за голову и сделал слоновьи ушки. Думал. Надо было ему крепко думать.

Не так... Они подмяли рыбзавод в 1989 и после этого началось расстройство в голове Карася. Барс завел себе бухгалтера, костюм, узелок тупых английских слов и Шершавкина. Через него проник и заполонил собой всю администрацию, посадил милицию на денежный крючок. Карась совсем перестал узнавать старого друга. Нет, вобщак, Барс платил исправно и воровской порядок вроде бы держался. Но, как для себя понимал Карась, скорее по обычаю чем внутренней убежденностью. Более того, Карась замечал как из Барса, знакомого старого Барса, с которым вместе вытянули все 5 лет в солнечном полярном Карачуе вырастал Барселонов Виктор Степанович хозяин Порта Крашенинникова. Державный муж с неясным прошлым, но светлым государственным будущим. На протяжении нескольких лет наблюдал Карась как вырастает Барс в ту самую страшную вражескую машину, по собственному желанию, радостно и со свистом. Когда на материке подвернулся Слон со своими ребятами и нулевым километром контрабандного золотого пути через Камчатку в Америку, Карась сам попросился уехать и Барс его не держал. Но и у Слона Карасю было неуютно. Зря он туда мылился. Перечеркивали старый закон. Человеческая жизнь стоила не больше чем пуля на нее потраченная. Воры больше не боролись с государственной силой. Не мешали ей. Смывали с себя воровской стародавний смысл...

Скрипнула кровать и Карась опустил на пол ноги. Не спалось. На столе нашел сигареты. Пододвинул к окну табуретку, вырвал из глянцевого показательного журнала лист с полуголой бабешкой в фиолетовых легинсах. Свернул бабешку в рожок, сел у окна и закурил. Серые хлопья пепла сощелкивал в рожок. За окном вокруг гипсовой девушки густела особая камчатская ночь. С гладкой сияющей чернотой и здоровеной луной желтого ньюйоркского цвета. На голову девушки сел черный ворон.

– Опять ты – восхитился Карась. – Не спится...

Он постучал костяшками пальцев по стеклу.

– Димедролу с пивом лясни. Я знаю.

Ворон как будто его услышал. Прохлопался крыльями и втянулся в ночь. А дальше папираса изо рта Карася упала прямо в рожок.

– Что такое?

Он увидел, как гипсовая статуя сняла с плеча весло. Покачала головой, разминая шею и прыгнула с пьедестала. Большая ладонь коснулась влажной с камешками земли. Девушка поднесла ладонь к лицу и с улыбкой, разомкнув наконец свои губы, вымазала щеку. Она увидела пустое окно с горящим светильником. Это немного смутило гипсовую девушку, но все же она решилась. Закинув весло на плечо, она зашагала в сторону сада. Девушка остановилась на берегу искусственного пруда с темной водой, расчерченной пополам лунной пунктирной дорожкой. Весло легло на траву, потом послышался треск и в облачке белой пуховой пыли рядом с веслом упали гимнастические шорты, а за ними и майка. С затаенным восторгом и внутренней дрожью шла девушка по глинистому дну, погружаясь в холодную, едва ли нулевую воду. Нако-

нец, когда вода покрыла плечи, девушка остановилась. Вытянула руки лодочкой и бросились вперед, утонув на какое-то мгновение в стаях встревоженных брызг. Девушка умела плавать. Сделав несколько сильных взмахов, она повернулась на спину и медленно, едва шевеля крупными ступнями, поплыла к противоположному берегу, в сладкое никуда. Блаженство закончилось внезапно. Черное беззвездное небо разрезал серебряный узкий клинок. С невероятной для любого металла гибкостью, он связался в широкую петлю, нырнул в воду. Петля затянулась на теле девушки и вырвала ее из воды. Подняла вверх и поверх сада по широкой дуге понеслась назад. Постамент вздрогнул, просев под вновь приобретенной тяжестью. Клинок унесся назад к пруду, чтобы почти мгновенно вернуться назад, хлопнуть веслом по гипсовым мокрым ягодицам и бросить к ногам гипсовую майку. Когда входные двери открылись и по ступенькам вниз сбегал всполошенный Карась, девушка стояла неподвижно на постаменте, весло закинув на плечо.

– А?А?– закричал Карась.

– Что а? – Барселонов в тапочках и в японском халате, расписанном драконовскими лебедями, стоял на крыльце и отчаянно пытался запахнуть разбегающиеся из-под пальцев полы халата.

– Говорю же тебе! – взвился фальцетом голос Карася. – Стояла, стояла, а потом прыгнула.

Барселонов, наконец, справился с недисциплинированным халатом. Он сошел вниз и приобнял Карася за плечи.

– Ладно, братан... Переутомился....Понимаю. Пойдем еще вспрыснем.

– Это Кутх. Точно он. Он ко мне еще на катере привязался. – Карась освободился от объятий Барселонова.

– Кутх? Какой Кутх?

– Кутх бросил в океан землю и получилась Камчатка.

– Остановись, Карась...Ты что, в самом деле. Потешки тюленя Кешки закончились во втором классе.

Барселонов посмотрел на Карася, кружившего вокруг постамента, и добавил.

– Ну у тебя после первой ходки... Карась....Да, постой ты.

Барселонов хотел остановить Карася, но тот остановился сам.

– А? А. Что я говорил. Сюда, сюда, гляди.

– Да что с тобой такое...

Барселонов подошел к Карасю и посмотрел туда, куда показывал Карась.

– Трусы где? Где я спрашиваю? У нее здесь трусики были.

– Глохни, ты...-Барселонов смотрел на статую. То что он видел было по-настоящему бесстыдно. Округлые сильные бедра ничего не скрывали. В изгибе идущем вверх от сомкнутых колен были беззащитная смелость и манящий призыв.

– Что? Как?.

– Как. Как. – проворчал Барселонов – Не по-пионерски. Как?

Егор не спал. Лежал в темноте и смотрел ОРТ. После убийства Листьева на нем не было рекламы, а передачи и фильмы стали мрачны и злы как времена вокруг. Горизонт 305-Д с выпуклым кинескопом и горбатой задней крышкой светился ядовитым, туманящим голову светом. Показывали черно-белый глухой от безнадёги американский фильм времен Великой Депрессии. Егор опустил руку вниз. Нашарил дистанционный пульт с захватом. Нужно было дотянуться до выдвижного ящика с продольным рядом кнопок. Егору нужна была 4 кнопка. По ночам на НТВ крутили боевики. Переключиться удалось, но изображение "снежило" и шло полосами. Егор подошел к телевизору. Вытащил ящик и стал крутить колесико настройки.

– Эй. Эй. Геолог. – услышал Егор негромкий голос. В дверях стоял Карась и махал рукой. Егор прошел мимо кровати, на которой лежала, накрывшись с головой, Мия. Вышел в коридор и прикрыл за собой дверь.

– Что-то случилось? – спросил Егор.

– Как сказать?

Егор посмотрел направо. В коридоре стоял Барселонов.

– У вас все нормально? – спросил Барселонов.

– Нормально.

– Покушали?

– Спасибо. Все было очень вкусно.

Возникла пауза, когда Барселонов, Карась и Егор смотрели друг на друга одинаковыми ничего не понимающими глазами. Егор полез в карман.

– Вот... Конечно денег у меня немного. За постой.

– Да положи ты этот кошелек. – брезгливо поморщился Барселонов.

– Ничего необычного не заметил.

– Заметил. Тут все необычно.

– Ага – тихо заволновался Кирилл.

– Говори. – сказал Барселонов.

– Глухой порт....Жопа так сказать мира....И такое богатство вокруг.

– А – махнул рукой Кирилл. – Ничего он не знает.

Барселонов заметил.

– И что... Ты в суть гляди а не в географию. Иное лицо как жопа, а тут жопа как лицо.

– Это надо обдумать – ответил Егор.

– Вот.Вот. Жми жмикалку во славу науки.... Пойдем,Карась.

– А нам завтра....Нам в гео...

– Машина в девять. Не опаздывайте.

Барселонов и Карась пошли к лестнице.

– Так в чем дело-то. – окликнул их Егор.

– Если бы мы знали. – неопределенно отзвался Барселонов.

В комнате Егор сел напротив кровати Мии. Отбросил в сторону одеяло. Егор старался говорить тихо, но так чтобы это выходило очень громко. Воспитательно.

– Если бы не Мужик. – в руках у Егора был широкий нож в потертых неприметных кожаных ножнах и ручкой обмотанной синей удушливо пахнущей изолентой.

– Этот Барселонов...Да он бы эту гипсовую дуру из гранатомета расстрелял...Я же просил, Мия.

Мия тоже шептала в ответ. Почти также громко.

– Я думала никто не увидит. Она так хотела искупаться.

– Искупаться.Искупаться. Я запрещаю. Слышишь. Я запрещаю. Никто не должен знать.

– Кудахтахта. Ты такой смешной, Егор.

– Значит так – разозлился Егор. Он лег на кровать и пытался выдернуть из-под себя одеяло. У него ничего не получилось и тогда он накрылся дистанционным управлением.

– Егор. – позвала Мия.

– Молчи.

– Я больше так не буду.

– Вот я тебе и поверил.

– А себе?

Егор услышал короткий смешок. Он повернулся к Мие спиной и накрыл голову подушкой.

ГЛАВА 3. ЭТОТ ПРОСТО ДУШНЫЙ ПОНЕДЕЛЬНИК.

Утром Мия проснулась первой. Чтобы не разбудить Егора, она осторожно прошла мимо его кровати и выглянула в окно. Намечающееся утро рисовало в водянистом небе грязным серым снегом городских обочин бесформенные завалы дождевых облаков. Мия увидела Карася. Он сидел на ступеньках крыльца в бежевом караульном тулупе с кучерявым воротником и скорее всего не ложился вовсе. Мия умылась в ванной с готическим смесителем и круглой розовой ванной по ошибке вместо веселой сауны въехавшей в бывший пионерский лагерь. Мия вернулась в комнату. Натянула джинсы, свитер с высоким горлом и джинсовую вареную куртку. Оставалось только влезть в ботинки и осторожно прикрыть за собой дверь. Мия уже была на полпути к успеху, когда услышала.

- Мужик следит за тобой.
- Я буду вести себя хорошо.
- Сомневаюсь – сказал Егор.
- Это твоя вечная проблема, Егор.
- Очень самоуверенное заявление для двенадцатилетней девочки.

Мия лукаво подмигнула Егору.

- Но мы то знаем, что у этой девочки большое прошлое.

Егор поморщился.

- Фу. Ты говоришь как...

Мия притворно закрыла уши...

- Не хочу. Папа не разрешает мне слушать такие вещи.
- Тогда слушайся, папу,
- Я буду вести себя хорошо. – повторил Мия.

Егор не ответил, лег на кровать и стал смотреть в потолок. Он сомневался. Мия вышла на крыльцо и присела рядом с Карасем.

- Что это с ней. – рассмеялась Мия, показывая рукой на статую.
- И я о том же... Удивляюсь. А я не хочу удивляться.
- Почему?
- Я хочу понимать. – откликнулся Карась.
- Зачем?

Карась наконец посмотрел на Мию.

- Ты кем хочешь быть?
- Почему хочешь? Я уже есть.
- Ага... Карась помолчал. – Ты это... Я с детьми не очень... Как с бурундуками... В смысле не часто сталкивался.

- Это плохо.
- Теперь уж и не знаю... – Карась поднялся.
- Пойду.... Днем все равно они побоятся вернуться.
- Кто? – спросила Мия.

– Кто... Карась хотел сказать "трус" но подумала, что у них и так вышел какой-то сумасшедший разговор, поэтому покривил душой.

- Кто? Кто? Не трусы же...
- Почему нет. – невинно поинтересовалась Мия.
- В смысле – переспросил Карась.
- Раз они ушли. Должны когда-нибудь вернуться.

– Ты сейчас по серьезке?

– Мне 12 лет. Мне можно серьезно. – ответила Мия.

Медленно оплывающий невыспавшийся мозг Караса спас салатовый "козлик" с брезентовым верхом и надсадным громким двигателем. Он въехал на площадку перед крыльцом, обернулся один раз вокруг статуи и остановился прямо перед Карасем и Мией. Из машины выскользнул человек в армейском камуфляже и белой рубашке с рябым коровьим галстуком.

– Кирил Андреевич.

Карась молча осмотрел протянутую бело-розовую руку.

– Ты что это, сямка... Помни с кем толкуешь. Какой я тебе, Кирил Андреевич.

Человек в камуфляже не смутился, лишь бережно спрятал руку в карман. Как хрусталь бархоткой окупал.

– А я вас знаю. – сказала Мия. – Вы Шершавкин?

– Все так.

– Иди. Зови батьку – сказал Карась Мие. – Вместе с Шершавкиным поедете.

– Вам в город?

– Мы в геологоразведку.

– Гут. Через полчаса махнем.

– Вы очень полезный человек. – сказала Мия. – Вор знай свое место... Кандидат. Самое то, чтобы колбасу заворачивать.

Карась громыхнул особым кастрюльным смехом. Обидным и злым.

– Иди, иди. – подтолкнул он рукой Мию. – Буди батьку.

Мия побежала к Егору, а Шершавкин обойдя полукругом Караса в тулупе, побежал к Барселонову. Тот сидел в кабинете, по-утреннему расшпиленный, но всегда деловитый. Шершавкин приоткрыл дверь и выскользнул из коридора в кабинет.

– Виктор Степанович. На секундочку.

– Заходи. – махнул рукой Барселонов. – Стул цепляй.

Шершавкин взял у стены стул и поставил его напротив стола Барселонова.

– Слышал, что у нас было? – спросил Барселонов.

– Нет.

– Бабу гипсовую видел?

– Конечно.

– Трусы у нее пропали. Прикинь.

– Кошмар. – делано восхитился Шершавкин. – Ищете.

– Черт его знает. А надо?

– Для порядка, обязательно. – ответил Шершавкин. – Виктор Степанович... Мне на недельку в Медвежий Бор. Вот так.

– Что такое?

– Бабка померла. Квартиру надо оформить пока сеструха не перехватила.

– Вот ты... Когда наешься... Все мало...

– Так ведь моя бабка.

– И сеструхина.

– Но и моя. Как так. За ради памяти должен расстараться.... Виктор Степанович.

Шершавкин сделал жалостливые глаза.

– Убери их к лешему. – увидев это Барселонов замахал руками. – Неделя?

– Никак больше.... – клятвенно прижал к груди Шершавкин. – У нас избирательная гонка. Сами знаете.

– Знаю. – Барселонов открыл выдвижной ящик стола и бросил на стол бумажную трубочку.

– Читай. Хочу знать, что думаешь.

Шершавкин развернул маляву, пробежал взглядом, аккуратно вернул ее на стол. После этого Шершавкин сложил руки и положил их на сжатые крепко колени.

– Виктор Степанович....

– Ну...

– Решать, конечно, вам....

Барселонов раздраженно стукнул по столу.

– Да не телячь, ты....

– Слон достаточно нужный человек, чтобы его уважить. – осторожно заметил Шершавкин и заторопился, чтобы забросать словами, как камнями, чтобы не осталось у Барселонова ни сил, ни желания что-то возразить.

– Как здорово все у нас проворачивается, Виктор Степанович. Если изберусь. В Москву пролезем, будь она не ладна... Зачем нам со Слоном раскардаш и палево.

– Палево.. Ты феню не трогай, комсомольский.

Шершавкин сделал вид что держит в руках что-то тяжелое и с бережением поставил это на стол.

– Все. Видите поставил...

Замолчали. Барселонов спрятал фабульную бумажку в ящик.

– Я тебе зачем это сказал. – Барселонов закинул локти на стол. – Ты, Шершавкин, пока гешефт свой знаешь, кремь, не отрицаю.

– У нас выгода общая, Виктор Степанович.

– Потому и делюсь с тобой.

Лицо Шершавкина стало твердым и серым как у преподавателя информатики в областном вузе.

– Надо уважить Слона, Виктор Степанович. Нам это очень нужно.

– Специально так говоришь?

На мгновение больше чем нужно оставалось твердым лицо Шершавкина. Потом оно разлетелось в улыбке.

– Конечно, специально, Виктор Степанович. Что ж мы, звери? Это я так. Для дискуссии. Ну вы понимаете?

– Нет, Шершавкин, уже полсуток ничего не понимаю.

У козлика Шершавкина ждали Мия и Бекетов.

– Бекетов – представился Егор. – Это... моя дочь Мия.

– Уже знакомы. Острые у тебя зубки. Забирайтесь.

– Значит к Понедельнику? – кричал Шершавкин, заглушая шум мотора. – А чего во вторник? – и смеялся глупой шутке. – А зачем?

Егор отвечал.

– На Пенжин.

– Так зачем? Кому сейчас это нужно? У Понедельника с 93-го живых денег никто не видел. Если бы я ему чебуречную не помог открыть, накрылась бы вся ваша геологоразведка.

– А вы кто здесь? – спросила Мия.

– Почти все. Правда. Правда. По комсомольской путевке приехал. Комсоргом работал. На 19-й партконференции сидел в партере.

– А теперь?

– А теперь капитализм... Ха-ха-ха. Гляди, кнопа, как шерсть лезет. Я и кепку не снимаю, боюсь рога вылезут. Тпру. – издал губами предупреждающий звук Шершавкин. Он остановил машину.

– Приехали? – спросил Бекетов.

– Погоди... Слышь, ребята. А почему я это вам все рассказываю? А?

Шершавкин переводил недоуменный взгляд с Егора на Мию. Мия пожала плечами. Егор отвернулся и стал смотреть в окно. Шершавкин снова завел машину и до самой Геологоразведки не произнес ни звука.

– Приехали.

Они остановились у желтого здания с треугольным портиком. На нем висел круглый ветшающий герб..

– Странные вы, ребята. – бросил на прощание Шершавкин.

– Как все. – ответил Егор.

– Как все – повторил Шершавкин.

Начальник Геологоразведки Иван Понедельник был скор на разлуки и быстр на встречи. Не смотря на годы, был он по-студенчески худ и быстр, а когда говорил

то нервно поглаживал энергичную шкиперскую бородку и не всегда доверял тому, что говорил.

– Стойте! Вы же Бекетов? – после крепкого рукопожатия и разглядывания документов вскрикнул Иван. – Тот самый Бекетов? Стойте. Ничего не говорите. Дайте лично пошурю.

Понедельник задумался.

– Не клюет. Опять мимо. Обойдем мозжечок. В сторону гипофиз. Нырнем в левое полушарие. И...и...есть! – Иван радостно открыл глаза. – Есть. Таинственные минералы Памира. Геологический Вестник 94 год. Номер 5.

– Номер не помню. А так все верно. – согласился Егор.

– Стойте. Стойте. Стойте. Страница 137. – зажмурился Иван. – Наличие слюдяных оконцев косвенно подтверждает теорию профессора Минского. А?

Понедельник уселся за стол, на котором на нескольких Шершавкиных, те которые Ворзнай свое место, лежала кучка разноцветных резиновых сланцев, чтобы тут же вскочить.

– А они еще мне...Вам. Не верили маловеры-мыловары. Все же подтвердилось?

– Опытным путем установлено. – кивнул Егор.

Понедельник снял трубку телефонного аппарата. Покрутил диск.

– Бердяев, ты? – в сторону Егору. – Мой бывший заместитель. Теперь мыло варит. – и снова в трубку – Знаешь, кто у меня? Бекетов. Таинственные минералы...Есть, есть там слюда, лавочник. Что мне твои выкладки, когда у меня Бекетов.

Понедельник бросил трубку.

– Вы не смотрите, что я его предателем. Это я так. В рамках дискуссии. Он отличный геолог. Про авачиты слыхали? Он в том числе. А мыло? Что мыло? Наукой сыт не будешь.

– Деньгами тоже – заметил Егор.

– В точку. Прямо по дну зашкрябали. – подхватил Понедельник. – Вы себе вообразить не можете...Что, Егор Юрьевич, начальником пенжинской экспедиции, а? Народ там лихой, опытный, но без царя какого-либо самого завалящегося в голове. Полгода требовал от них образцы горючих сланцев и видите? – Понедельник указал на кучу китайских тапочек, лежащих на столе. – Что они мне презентовали. А места там миллионные. Золото, платина в россыпях. Шлихтуй не хочу. А авачиты? Камчатские копи царя Соломона... Камчатка, Камчатка. Зыбкий, мифический край. Не пожалеете, Егор Юрьевич.

Понедельник быстро превратился в вербального живописца и проглатывал окончания.

– А горы, а вулканы. Гейзеры. Все же доверчивое, как собака ластится. Воздух, кувалда не возьмет. Охота, рыба и земля, земля, Егор Юрьевич. Для геолога это Эдем. – провозгласил Понедельник.

Егору стало душно. Он потянул воротник своего лирически растянутого свитера. Понедельник наяривал дальше.

– В экспедиции домики щитовые. Будет где с дочкой разместится. Печка есть, стены есть, окна есть. Крыша!....Есть. А виды, виды. – зачастил Понедельник. – Третьяковка сдохнет от зависти.

– Техническое обеспечение экспедиции? – спросил Егор. – Оборудование, люди. Там ведь шахта?

Сразу стало прохладней. Понедельник замолчал, обошел стол и сел. Наверное перебирал бумаги. Было такое обиженное молчание, что Егор не выдержал. Ему стало жаль престарелого романтика.

– Вы не беспокойтесь. Я примерно представляю: полумертвая техника, дрянная связь, люди с обочины, деньги, конечно, будут.

– Конечно.

– Конечно – мягко и не веря, повторил Егор. – А знаете я почему то согласен.

Понедельник искренно удивился. Немного сдуся и толстыми сильными пальцами сгреб нестриженную челку в сторону к правому уху.

– Да?

– Да. – под Егором заскрипел исцарапанный стул с тощей подушкой. Он поднялся.

– Да!

– Почему? – Понедельник не верил своему счастью.

– Так иногда бывает. Когда виды решают все.

Когда Егор вышел из кабинета, он сказал Мие.

– На самолете полетим.

– Здесь есть аэропорт? – спросила Мия. Они вышли из желтого с колоннами здания. Егор огляделся. Они стояли на вершине асфальтированного холма и весь Порт Крашенниковца был перед ними. Город просыпался на холмах вокруг бухты щитовыми домиками, кирпичными трубами котельных и рядами серых хрущевек.

– Мне кажется здесь нет аэропорта. – заметила Мия.

– Мне кажется, самолеты сбрасывают с воздуха все необходимое и летят дальше.

– Забыл у Понедельника спросить. – сказал Егор.

– Спросишь у вторника. – повторила глупую шутку Шершавкина Мия.

Егор закинул вещмешок на спину и они пошли вниз мимо асфальтовых амебных пятен разбросанных на пыльной и узкой пешеходной дорожке. Навстречу им шла пожилая женщина в драповом пальто и белом пуховом платке. В руках она держала авоську с буханкой черного хлеба, куриной ножицей, торчащей наружу и потрепанной книжкой "Нового Мира".

– Извините. Не подскажите где здесь аэродром?

– Здравствуйте! Вы из Москвы? – спросила женщина, предварительно настраиваясь на лирический лад.

– Почему из Москвы? – высунулась Мия. – Из Череповца.

Легкая тень сожаления скользнула по лицу женщины.

– Тогда вы как дома. Это вам на футбольное поле. Сейчас повернете направо и все время прямо мимо-мимо. А вы и вправду не из Москвы? У вас такой интеллигентный вид.

– не сдавалась женщина.

– А что в Череповце нет интеллигентов? – опять высунулась Мия.

– Мия! – Егор зло посмотрел на девочку.

Женщина пожала плечами.

– Мало ли куда кого надует. Меня вот тоже занесло. 38 лет назад. И все никак не про-
расту... – жалко улыбнулась она. – Почва негодная... А вам на футбольное поле. Извините.

Женщина пошла вверх к желтому дому. Весь ее вид, сломленная спина, покачивающийся бело-голубой уголок "Нового Мира", россыпь мелких пятен засохшей грязи на полах пальто выражали разочарование и покорность.

– Негодная почва. – проворчала Мия. – Негодные мысли.

– Ты можешь помолчать. – зло бросил Егор. – Ты такая циничная что иногда мне кажется это я должен быть тобой.

– Я просто говорю правду.

– Твоя правда ранит сильнее лжи.

– Приятно познакомиться товарищ Сборник Афоризмов. Я госпожа Коллекция Смыслофф. Ой, Егор. Смотри какие....

Прямо перед Мией на дороге, вокруг железного штыря, вбитого в землю, гуляло нескольких белых лохматых коз и двое крохотных потешных козлят.

– Мия. – Егор посмотрел по сторонам. Рядом никого не было. Тогда он заговорил погромче.

– Мия! Ты где? Я за Мужиком.

Егор раскрыл куртку и сделал вид, что достает из ножен, висящих на поясе, нож с ручкой обмотанной изолентой. Козы шарахнулись в сторону, но не из-за Егора, а потому что один из козлят вдруг встал на задние лапы, прошелся ламбадой и сказал.

– Может останемся...Смотри как здесь здорово.

– Ну и оставайся! А я пошел. Он широко зашагал в сторону зелено-желтого неровного поля, на котором стояли ржавые футбольные ворота и между ними несколько старорежимных самолетов. Егор не оглядывался. Он знал. Мия идет за ним.

ГЛАВА 4. ШЕРШАВЫЕ ДРИМЫ.

Пилот Уклонов – грузный человек с вислым носом и железными (как советская иясо-рубка и программа Время в 21:00) зубами должен был доставить в Тайшин 500 беспокойных пассажиров – желтых короткоклювых цыплят. Их вырастили в Оклахеме, документами снабдили в Сингарпуре, а на Камчатку ввезли из Словакии, как партию широкоузких подшипников для сталелитейного комбината в городе Кондрово Калужской области. В Тайшине Барселонов замыслил птицефабрику и прямая честная поставка через таможеню и льготы общества слепых обезденежили бы все предприятие в самом начале. Цыплята в квадратных решетчатых ящиках второй день пиликали на тонких нервических струнах Глущенко Екатерины, приставленной Барселоновым к пернатым космополитам. С мешком комбикорма, в туфлях а шпильке, газовом платке и длинном пальто (Екатерина трудилась в секретариате рыбзавода), ходила вокруг поставленных друг на друга ящиков, кормя прожорливых министервятников и свое воображение. Как она ловко развернется на 75 долларов. Их посулил ей Барселонов, за сопровождение ценного груза. Цыплятам было все равно. Они только что кругосветку впилили не хуже Крузенштерна. За это его сделали памятником, а цыплята могли рассчитывать в лучшем случае на вертел в арабской шаурме с дагестанским акцентом. Но не на это пеняла Глущенко Екатерина Шершавкину, когда тот объявил, что он забирает не только пилота Уклонова но и ЯК.

– Як ЯК? – выговаривала Глущенко Екатерина. – Виктор Степанович... Цыплята..

– А вы на Птеродактиле.... Сели и вышли в Тайшине. – всякую гадость Шершавкин компенсировал честным искренним лицом.

– Как сели? Как вышли? – Глущенко Екатерина выдираала шпильки из футбольного поля, пытаясь нагнать Шершавкина и Уклонова. Те шли к Яку.

– Коля. Коля. – Глущенко Екатерина обратилась к Уклонову.

– А что я могу, Катя. – ответил Уклонов. – Я лошадь. Кто сел тот и съел. Как то так...

– Екатерина Пална вам налево. – Шершавкин указал на облупленный По-2. Он выполнял функцию рейсового автобуса между Портом Крашенниникова и Тайшином.

– Серегин. – крикнул Шершавкин. – Прибери пассажиров.

Серегин – высокий нестриженный мужик в короткой летной куртке, заматывал скотчем деревянную стойку, разделявшую верхнее и нижнее крылья биплана.

– Ой – тихо ойкнула Глущенко Екатерина, прикрывая рот газовым платком.

– Что хотите? Я на этом не полечу. Он на скотче?

– Не на честном слове же? – обаяшка Шершавкин скользнул по Глущенко Екатерине святой своей простотой. – Возьмешь Серегин.

– Билеты есть? – откликнулся Серегин. Без билетов не возьму. Я на Россию работаю.

Шершавкин вздохнул. Были иногда и для него непреодолимые препятствия.

– Вот. Екатерина Пална. – обернулся Шершавкин и Глущенко Екатерине. – Это вам на билеты. Серегин, корешки проверю!

– Себя проверяй. – огрызнулся Серегин. – А меня Уголовный Кодекс проверял. Не чета тебе, парняга.

– Вот и славненько. – сказал Шершавкин. – Ну, ну, Екатерина Пална.

– Я боюсь. – всхлипнула Глущенко Екатерина.

– И я боюсь. Не боится Екатерина Пална только Серегин и звездное небо под ним.

Шершавкин и Уклонов пошли к красавцу Яку, а к Глущенко Екатерине подошел Серегин.

– Пойдем Катя. Я тебе помогу. Будете у меня как шпроты в банке. В смысле без волнений. Серегин таскал веселые говорливые ящики, когда к нему подошли Бекетов и Мия.

– Вы на Пенжин? – спросил Егор.

– На Тайшин... В Пенжин мне не зачем. – буркнул Серегин.

– Я новый начальник экспедиции. Вот направление.

Серегин ознакомился с направлением Понедельника.

– Что ж раз так. – согласился Серегин. – Закину вас на Пенжин. Раз так. Только не одни полетите. В компании.

– Помочь? – спросил Егор.

– Помоги. Дочка?

– Дочка. – вместо Егора ответила Мия.

– И ты хватай. – распорядился Серегин. – Они балаболистые но легкие.

– Я два возьму.

– Хоть три.

По футбольному полю бродил низкий, прибитый к земле, усталый ветер. Шершавкин закрывался от него капюшоном. По спутниковому телефону он разговаривал с Барселоновым. Эта машинка появилась у него пару месяцев назад. Несколько штук прислал Слон с материка. Нужный человек. Нужный. Как такого не уважить.

– Что? Виктор Степанович.... Труссы нашли? Какие?...Наверное купаться захотела...Шучу, шучу...Так я 28 к вечеру буду. Я позвоню из Медвежьего Бора. Кириллу Александровичу привет.

Шершавкин вздохнул, положил трубку в отделение раскрытого ящика. Туда же вставил маленькую спутниковую антенну. Соединил две открытые половинки, получился пластиковый синий чемоданчик. Весил всего ничего. Нужный человек Слон. Нужный. Шершавкин летел на Яке. Самолет принадлежал Геологоразведке, но у Понедельника не было топлива и запчастей. Пилота Уклонова оплачивал рыбзавод Барселонова. Поэтому эти странные люди: молчаливый здоровый мужик и его дочка со школьным ранцем летели на Птеродактиле. Это почему то сильно обрадовало Шершавкина. Он влез в Як и сидел напротив Уклонова. Пилот щелкал приборами, а Шершавкин как частый пассажир, уверенно полез под кресло и вытащил оттуда сложенный вчетверо розовый плед. Он укутал им ноги, откинулся назад, натянул капюшон пониже закрываясь от света, бьющего в передние стекла. Вдруг Шершавкин повернулся. Совсем неосознанно, будто какая-то сила потянула. В иллюминаторе Птеродактиля увидел дочку этого здорового мужика. Бекетов, кажется. Новый начальтик Пенжинской экспедиции. Еще утром Шершавкин все прояснил у Понедельника. Это его город Порт Крашенинников. Мало кто еще знает, что это его город. Но, как говорится, дело за делом. Это Шершавкин понимал крепенько. Девочка в иллюминаторе показывала Шершавкину козу или победу. Думай, что хочешь. Шершавкин помахал в ответ рукой. Думать не хотелось. Спать хотелось. Желудок Шершавкина округлился в тяжелый чугунный шар и покатился вниз, спрямляя пищевод. Шершавкин сделал несколько сухих глотков. Самолет набирал высоту. Он чиркнул кружок вокруг аэродрома и лег на курс. Шершавкин одобрительно похлопал по плечу Уклонова и повторил безнадежную попытку вытянуть ноги. Сны у Шершавкина всегда выходили нездешними, не про жизнь. То есть не про его жизнь, а вообще...Глобально и трансцендентно. Такая куролесина стоеросовая, что и проснутся поскорей бы из-за непонятной жути. Но нет никакой возможности и желания. Затягивает. Интересно добраться до того чем все дело в конце концов закончится. Сегодня Шершавкин и заснуть толком не успел, как началось... Москва. Перрон Казанского вокзала. Шершавкин был в столице пару раз во время школьных каникул. Он так рассказывал... Выходит Шершавкин на перон в черном костюме и леопардовой шкурой на плечах. На голове каракулевый пирожок как у Горбачева и завскладом из операции Ы. На груди 33 звезды Героя Советского Союза (по количеству прожитых лет). У Шершавкина ленинская борода, сталинские усы и черная могучая шерсть на груди, как у актера Еременко в "Пиратах 20 века". Шерсть настолько бескомпромисна и мужествена, что пробила белую рубашку и растет себе на воле, подняв вверх галстук чуть ли не параллельно земле. На пероне, покрытым сусальным золотом, встречает Шершавкина все высшее общество. КГБ прикатило. Причем

вместе с Лубянкой. Натурально вместе со своим мечтательным зданием. В окно вывесились, в парадном стоят. Все в серых костюмах, все серьезные, все толстолобики. Слева космическая станция "Мир" баражирует с нашенско-ненашенским экипажем. Приветствует Шершавкина самодельным плакатом: "All we need is CherChavkin". Частушки поют, на баянах из тубиков жгут. Идет Шершавкин по перону, а перед ним Ельцин и Клинтон красную дорожку раскатывают. Ликование кругом всеобщее. С неба плитки шоколада "Аленка" падают. Иногда кому-то в голову. Тогда поднимают бездыханное тело санитары в костюмах австралийского металлического коллектива "ACDC" и оттаскивают в сторону. Раскладывают в живописном порядке на пероне. Создают натуру для художника Никаса Софронова. Тот малует энергично и хватко. Полнит деталями картину: "Шершавкин и падшая Аленка". Но что это? Замерло безудержное веселье. Грациозно изогнул брежневскую бровь Шершавкин. Нахмурился и словно тень легла на светлый июльский день. На пероне хамит бездомный пес. Вертит куда хочет лохматым, похожим на саперную лопатку, хвостом. Резвится незапротоколированная душа. За псом с кривой хворостиной бегал коротенький пухлячок в ондатровой шапке и махеровым полосатым шарфом на голое тело. Пухлячок путал лохматого гуляку бантиками чмокающих губ и непонятными словами.

– Вот уж я тебя приватизирую, ваучер недоделанный.

И подошел тогда к нескладному пухлячку Шершавкин. Грозную поступь его шагов услышали и в далеком, заливаемом дождями и слезами, колумбийском городе Маконго и в сельпо деревни Трунцы Волковысского района и даже толстенький пухлячок их услышал.

"Эх, ты Егорка, наш Гайдар, дорогой....Хорошо, что дедушка не дожил...Пожалела пуля старика....Кто ж так дела делает. Ты или бей или жaley. А ты на или залез и сидишь."

Шершавкин присел перед псом. Почесал за встревоженным ухом и гавкнул несколько раз осуждающе. Пес, как будто все понял, качнул несколько раз головой и удалился парадным шагом в сторону кипучих привокзальных ларьков. Сказал Шершавкин.

– Вот оно как надо Егорка. С людьми на людском, с дворнягами а дворняжьем, с Америкой на боксерском, а ты хворостиной....

Хрустнула ветка и полетела вниз на голубые рельсы. Тут все закричали, зашумели флажками, захлопали. Громче всех хлопал Казанский вокзал. Он отрывался от земли и вместе с фундаментом подпрыгивал вверх. Шершавкин поднял вверх руки, пытаясь утихомирить всеобщее оживление.

– Друзья. – сказал Шершавкин и от его голоса треснуло далекое Маконго, а сельское сельпо в деревне Трунцы Волковысского района было погребено под завалами продавщицы Юлии Викарьевны Торбашинович.

– Друзья. – повторил Шершавкин. – У меня нет слов. Лучше послушайте классику.

Он достал из пиджака тонкую книжку "Из библиотеки культработника" и зачитал граду и миру 40 минутный разминочный доклад тов. Заборова "Об империалистических перегибах в ранних работах А.Б. Пугачевой на 23 конференции нелюбителей рыболовов".

Безудержные овации, вставания, обмороки и неконтролируемые процессы мочеиспускания прерывались чеканными формулировками доклада. На площади Трех Вокзалов Шершавкина ожидал торжественный кортеж. Вереница из свадебных карет, бронированных верблюдов, километровых мерседесов и разношерстные стада из арабских шейхов, тонконогих финансистов Уолл-стрит и много еще всякой шушеры. Шершавкин оглядел кортеж. Остановился на лимузине с открытым верхом. Оттуда проворно выскочил жирный шейх с бородой, черными очками в накинута на голову простыней. Под возлюбленный стон московских толп. Шершавкин взобрался на плечи жирного шейха, сказал.

– Цоб цобе. – и поехал между красочными шевелящимися берегами из московского радостного люда. За собой на веревочке тянул Шершавкин международную станцию "Мир". Кортеж направлялся в Кремль на новогоднюю елку. От наслаждения Шершавкин почти

проснулся. Смахнул каплю слюны накопившуюся в уголке губ. Посмотрел вниз. Летели над океаном в высоком безоблачном небе. Океан был нежным, не штормовым, как яблочный мусс в эмалированной глубокой миске. Шершавкин снова заснул, чтобы во сне проснуться. Он был у себя в доме на Зое Портновой 17. Снаружи это была обычная панельная хрущевка на три подъезда. На первом этаже одного из трех подъездов Шершавкин выкупил все квартиры и устроил себе восьмикомнатную резиденцию. Ремонт сделал из того что осталось после ремонта Барселоновского лагеря. Очень и очень вышло. У дверей спальни была львиноголовая ручка. Та самая, которой не хватило для комнаты Карася. И вот проснулся Шершавкин в этой спальне на круглой кровати с персиковыми простынями. Был он один. Хотя не один. С раскидистой люстры ползла вниз, прямо в его постель сестра его Лиза. С привычной головой в химической завивке и непривычными паучьими лапами. Лиза покачалась на шнурке выключателя и прыгнула вниз на кровать. Забороздила по кровати мелькающими быстрыми лапками, бормоча себе под нос.

– Опять в носках спит....Я же говорю идиот. Не дом, а помойка.

– Отвали – лениво сказал Шершавкин и бросил в паука Лизу подушку. Та в ответ взяла и исчезла. Шершавкин поднялся и подошел к высокому зеркалу в богатой завитушками раме. Из одежды на Шершавкине были только носки. Шершавкин осмотрел себя и поморщился, развернулся к зеркалу спиной и посмотрел назад. Вид был еще хуже чем спереди. Мягкое, слабое тело это полбеда. В нем Шершавкин ходил целыми сутками. Но сегодня он обнаружил кое-что новое. У него не было ягодиц. Вместо привычных посидевших везде и всяко полушарий, Шершавкин видел два лица сестры Лизы разделенных срамной бороздкой. Не обращая никакого внимания на то, что происходит вокруг, они ругались друг с другом.

– Такого уроды...Я тебе говорю.

– Да что ты мне рассказываешь. – возражала другая. – Какой урод. Хуже....Вырос до неба и козявки из носа до сих пор везде развешивает. До чего палец дотянется. Фу. Зараза.

Шершавкин не выдержал. Хлопнул по Лизам ладонями. Раз. Два. Подпрыгнул и повернулся к зеркалу.

– Мотал я вас...Чики чики пук.

Шершавкин хотел показать зеркалу как и где он решил мотать, но до похабного жеста его не допустили Лизы. Они переехали на ладони Шершавкина и продолжали переругиваться прямо на его глазах.

– А теперь бабкину квартиру захотел.

– И не говори – подтвердила левая ладонь.

– Как сдригнул на Камчатку так и не навесил ни разу.

– Ты блин...Вы навещали – огрызнулся Шершавкин.

– Каждый месяц – завопили одновременно ладони.

– 10 числа...– не сдавался Шершавкин. – К пенсии.

Не желая слушать дальше, он сильно сжал ладони и понес их в ванную комнату под придушенный неразборчивый гул.

– Козел неблаго....– Шершавкин быстро скрутил кран с горячей водой и взял кусок малинового турецкого мыла. Начал активно намыливать руки. Лизы стирались, медленно, но неизбежно. Их лица растягивались, голоса становились медленными и в конце концов разъезжались в разные стороны, дробясь на слога, а потом и вовсе на неразборчивые звуки, пока не вкрутились вместе с мыльной водой в дырку умывальника. Шершавкин похлопал свежевывыми ладонями.

– Оп и нету поросяти.– сказал он сам себе.

Шершавкин с удовольствием почистил зубы, вытерся досуха, наконец, снял мокрые носки. Шершавкин открыл дверь ванной комнаты. Сделал шаг и провалился в глухую черную пустоту. Он оказался в длинной узкой трубе. Шершавкин расставил руки и ноги. Это остано-

вило падение Шершавкина. Он ничего не видел. Было темно. Пахло противно, но чем-то знакомым.

– Эй!Эй!Где я?– закричал Шершавкин.

Сверху, далеко-далеко, ему ответили с хохотом.

– Ты дома Шершавкин.

Сверху на Шершавина надвигалось молчаливое темное страшное нечто...

Шершавкин проснулся. По-настоящему проснулся. Шершавкин освободился от капюшона и несколько раз глубоко вздохнул. Он промокнул рукавом потный лоб. Пилот Уклонов увидел, что он проснулся и крикнул.

– На месте.

Шершавкин увидел Медвежий Бор. 17 серых панельных пятиэтажек в пунктирном окружении отдельных частных домиков и административных параллелипипедов.

– Где садится? – крикнул Уклонов, оглядывая местность.

– Где хочешь.

Уклонов высмотрел вроде бы ровную площадку и умело посадил самолет. Шершавкин выбрался из самолета, курил, отгоняя сигаретным дымом последний бестолковый сон.

– Далековато. – сказал Уклонов.

– Что.

– До города говорю далековато. Пешком рубить.

– Подвезут – ответил Шершавкин. – С мигалками поедem.

Через некоторое время появился желто-синий уазик. Он подъехал к самолету.

– Кто такие? – спросил высокий мужчина в милицейской но навсегда дурацкой пиночетовкой.

– Шершавый? Ты?

– Я. Вот Уклонов знакомься. Одноклассник мой Горшков Серега. До города возьмишь, Серега?

– Что ж раз так. – согласился Горшков.

– Это тебе.

Шершавкин достал блок Голден Америка.

– Тебе Серега. По 25 штук в пачке.

– Дело. Спасибо, Шершавый.

В машине когда ехали в город Шершавкин спросил.

– Дом Нефтяника свободен? Разместится на денек другой-третий.

– Сделаем . Поздно ты, Серега. Бабку твою схоронили уже.

– Не смог...Я в Думу иду. Делов.

– А сейчас чего?

– Квартира осталась.

– А. – протянул Горшков. – Понял.

Уклонова сбросили у Дома Нефтяника одноэтажного строения с длинным во весь фасад дощатым навесом. Шершавкин вручил пилоту деньги.

– Сильно не пей.

– Сильно не буду – честно признался Уклонов.

Горшков остановился у серой пятиэтажки.

– Рановато ты приехал – сказал Горшков.

– Чего так.

– Нотариус наш Ливер в Оху к дочке уехал.

– Ерунда. У меня самолет. Слушай. Ты к сеструхе моей не зайдешь. Ключи взять.

– Зачем?

– В квартиру надо как-то...влезть..-

- Так Лизка твоя там. Как бабушку схоронили так и живет там всем семейством.
- Да – протянул Шершавкин.
- Да – подтвердил Горшков.
- Тогда лады. Давай Серега.

Шершавкин вылез из Уазика, хотя очень не хотелось. Он помахал рукой Горшкову, поздоровался с приподъездными бабушками и вышел в темный черный подъезд. На него надвигалось темное, страш....

– Тыфу ты – сплюнул зло Шершавкин и поднялся по выщербленной лестнице на второй этаж. Позвонил. Дверь ему открыла....Шершавкин помотал головой, отгоняя давешний сон. Дверь открыла Лиза, но пятилетняя с мышинными косичками и вяло повисшими бантиками. То что это была Лиза не было никакого сомнения.

- Явился? – строго спросила девочка. – Мам?

Из коридора вышла женщина в халате. Вытирала руки кухонным полотенцем.

- Кто там? – строго спросила женщина.

– Здравствуй, сестра – сказал Шершавкин и быстро шагнул в квартиру, чтобы успеть, пока сестра не захлопнула перед ним дверь.

ГЛАВА 5. ПТЕРОДАКТИЛЬ.

Цыплятами заставили хвост Птеродактиля и закрыли проход к самостоятельной уборной: круглому люку в полу с кольцом и надписью белой краской "без дна". Егор и Мия сели на железную лавку, прикрученную болтами к левому борту. Напротив них на такой же лавке между двумя хмурыми тягловыми женщинами челночницами сидел местный этнографический старик в чем то вроде малахая. Егор не совсем представлял себе как на самом деле выглядит малахай. Но слово было емкое и к такому наряду подходило куда как лучше других. Это было что-то вроде тонкой конусообразной шубы, подбитой коричневым крашенным мехом и грехами неизвестных шубоделов. Гнилые нитки рвались и было видно, что если не озаботится, то эта шуба благополучно и мирно развалится на части, как и страна, где эту шубу выделали. Так представлял себе Егор, а у него была склонность к необычным сравнениям и еще куче всяких ненужных в обычной жизни вещей. На худой с прыгающим кадыком шее старика висел красный магнитофон Весна-221.

– Я Куэро – сказал старик, когда увидел с каким интересом смотрит на него Егор. Бекетов представил себя и Мию.

– Я Куэро – повторил старик и повторял это мерно, как всесъедающее время, качая склочной редкой бородой. Птеродактиль вздрогнул.

– Ой, мамочки – тихо ойкнула Глущенко Екатерина.

– Развалимся.

– Не развалимся – ответила одна из челночниц. – Нам в Тайшин во как надо.

– Я Куэро – подтвердил Куэро и его голова резко приложилась к железной голой обшивке Птеродактиля. Самолет шел на взлет. Серегин крепко держал в руках штурвал. Его лицо, прищуренный взгляд, темная сосулька жирных волос, вылезшая из-под шлема и фиолетовая обезьянка, сплетенная из оболочки электрического провода, болтающегося на стекле перед Серегиным – все говорило о том, что Серегин штурвал не выпустит. Птеродактиль может разлететься в пыль, а Серегин штурвал не выпустит, и долетит до конца маршрута. Прокатившись по полю, несколько раз подпрыгнув на земле и в воздухе Птеродактиль пошел вверх, как пущенный из рогатки камень. В небе он выпрямился и загудел ровной спокойной нотой. Серегин постучал пальцем по бумажным иконкам на приборной доске. Он обернулся назад. Старик Куэро качал головой. Челночницы развернули томики кроссвордов. Геолог – суровый, по виду, правильный мужик с русой пошейной бородой и олимпийской шапочке петушке прижимал к себе дочку. Глущенко Екатерина распласталась в хвосте Птеродактиля, удерживая от падения ящики с цыплятами. Все было в норме. Серегин вернулся к штурвалу. Егор опустил Мию, но девочка не отстранилась. Его голова осталась на плече Бекетова. Она закрыла глаза и, наверное, уснула. Бекетову спать не хотелось. Он, как всегда в таких случаях, выбрал точку напротив себя, сегодня это был полукруглый скат фезюляжа поверх головы старика. Так Бекетов концентрировался и в тоже время отстранялся. Уходил далеко далеко в себя. Сейчас это было особенно нужно. Бекетов знал. Ему необходимо принять окончательное решение. После того как в его жизни появилась Мия, он думал что все закончилось. Несколько лет так оно и было. Егор затерялся в России. И в Череповце жили тоже. Бекетов опутал себя приличиями. Мия ходила в школы. Егор писал, нанимался искать месторождения. Не сказать что все шло гладко, но жизнь шла ровно, без болота рефлексии и внутреннего расхождения с самим собой. И Мией? Егор усмехнулся. И Мией тоже – утвердил он прошлую мысль. Почти забытая тревога и нервное возбуждение обрушились на Егора внезапно. Началось утром. Они тогда жили в Хабаровске. Бекетов проснулся около 6-ти. Их арендованная квартира была на первом этаже. Прямо под окнами стоял ржавый турник. Каждое утро Егор смотрел на турник и шел курить и готовить кофе. Потом принимал душ. Вода была приемлемая где-то в районе "брюхо дню котэ"

наощупь. И в тот день он зажарил омлет с подозрительно розовыми сосисками. Открыл форточку. В нее полез утренний морозный воздух. Неприятный, как влажная и холодная рука. Егор потянулся через стол. Раздался хруст закрываемой форточки. Егор помахал рукой, отгоняя в сторону кусман пойманного уличного воздуха. Егор разбудил Мию. Как обычно с трудом и переругиваниями, Мия прошлепала в ванную комнату. Егор поставил на плиту чайник. Необходимость в еде Мия не испытывала, но ела, потому что была дотошна и к миссии своей относилась ответственно.

– Не опоздаешь? – Бекетов посмотрел на железный его походный будильник с шапочками-колокольчиками.

– Не могу – Мия, стоя, допивала чай. Батарейка сегодня про теорию относительности будет рассказывать.

– Да ты что? – удивился Егор – В 6 классе.?

– Я упростила. Послушаем легенды и мифы древней физики.

– Все-таки – сказал Егор – Эйнштейн не так прост. Кое-что он объясняет.

– Егор– удивилась Мия – Ладно бы кто другой. Но ты... Ты же точно знаешь.

– Ничего я не знаю и знать не хочу. Эйнштейн это уютно. Это тепло. Это как правильно работающая батарея за кремовыми плотными шторами.

– Вот как?

–Вот так.

– Ладно – мягко согласилась Мия. – А как тебе вот это...

Типовая советская кухня вокруг Егора начала оплывать. Стены, кухонные ящики, плита, холодильник и стены в белой кафельной плитке размякли и начали таять. Егор схватил руками столешницу.

– Стол...И табуретку тоже.

– Ладно – опять согласилась Мия. – Все я побежала.

– Мия! – закричал Егор. – Мия! Верни все обратно. Я тебе говорю.

Он выбежал в прихожую, но Мия успела раньше закрыть за собой дверь. В кухне Егор сел за стол и попытался спокойно допить свой кофе. Насколько это было возможно на сцене Кремлевского Дворца Съездов в окружении поющего и танцующего ансамбля песни и пляски имени Александрова. Бекетов стойчески выдержал, когда у него под ухом сотня горластых мужиков грянула "Вы слышали как поют дрозды", но когда вокруг закружился хоровод из статных румяных красавиц, а манерные танцевальные солдатики стали через него прыгать раскидывая ноги в шпагате. Бекетов взял кружку двумя руками. Он пил кофе короткими бескомпромиссными глотками. Терпение Бекетова вышло, когда дебелый солист, полковник барабанных войск затянул по-бабьи, со слезным надрывом: "Smoke on the water" Бекетов поднялся, извинительно обогнул дирижера, спустился в оркестровую яму. На ходу колупнул ногтем большого пальца тубу (детская мечта). Перелез через бортик и по темному проходу зрительного зала пошел вверх. На выходе пришлось тихо но яростно поскандальить с билетершей.

– Куда вы? – шипела, улыбаясь, пожилая тумбовидная дама. – Еще не пел Альбицкий. Мало того, что пришли растрепанным, так еще отказываетесь слушать Альбицкого.

– Да идите вы к лешему со своим Альбицким. – Егор подтянул свои пузырящиеся на коленях треники. Это прямо и направо, а мне туда. Егор приоткрыл тяжелую высокую дверь, вышел в прихожую. Тогда все началось. Неясная тревога начала подниматься по телу вверх пока не схватила короткопалой ладонью с нестриженными ногтями сердце. Бекетов оперся о стенку рукой. Отпустило также внезапно как и началось, но Бекетов знал, что это начало. Начало невыносимой муки. Он не заслужил ее. Никогда к ней не стремился. Но от этого его страдания не становились меньше. Он побежал в зал. В стенке, среди арендованных книг, нашел Буало и Насержака "Путь на эшафот". Там он прятал от Мии тревожные таблетки. Взял сразу несколько. Зашел и свернулся калачиком на продавленном диване. Ни в коем случае

нельзя было закрывать глаза. Бекетов протиснул руку между диванными валиками. Схватился за железный подъемный механизм дивана. Его начинала бить крупная потная дрожь. Егор вцепился зубами в край тонкого стеганого одеяла и начался приступ. Заныли кости. Все тело стало одним гнилым зубом. Егор делал глубокие вдохи, задерживал воздух между губами и резко выдыхал. Его тело расстреливали острозаточенные сгустки боли. Голова, желудок, спина, ноги. По кругу и хаотично. Егор выгибался дугой и бессильно падал на диван. На глазах выступили пологие мелкие слезы. Сердце все сильнее сжимала безжалостная рука. Все кончилось внезапно. Егор едва шевелился. Он перевернулся на живот и его стошнило на пол. Егор едва успел убраться к приходу Мии.

– Что с тобой? – спросила девочка, когда вошла в квартиру.

– Как Эйнштейн? – вместо ответа спросил Егор.

– Он умер? – ответила Мия – Похоже ты тоже.

– Простыл – попытался улыбнуться Егор.

Конечно, Мия не поверила.

– Началось? – спросила она едва не хлопая в ладоши.

– Говорю же простыл – Егор попытался хлопнуть носом.

– Понятно – Мия не верила ему напрочь.

– Куда едем?

– Никуда мы не едем.

– Ага – сказала Мия – Пойду собираться.

Остаток дня Егор крепился, а ночью приступ повторился с еще большей силой. Из последних сил он пытался не закричать. Накрылся одеялом с головой, чтобы не разбудить Мию. Но кого он пытался обмануть? Мия выключила свет. Преодолев слабое сопротивление Егора отбросила одеяло в сторону.

– Хватит Бекетов. Закрой глаза.

– Нет – Егор катал свое посеревшее лицо на подушке.

– Ты же знаешь. Это единственный способ.

– Говорю тебе нет.

– Твои таблетки не помогут.

– Дай мне воды. Пожалуйста.

Егор так жалобно посмотрел на Мию, что она не выдержала.

– Сейчас. Но предупреждаю Бекетов. Это не поможет.

– Много ты знаешь.

Пока Мии не было, Бекетов широко открыл глаза, ворочал ими по кругу. Спать хотелось ужасно. Вернулась Мия. Бекетов осторожно взял стакан. Принюхался. Подозрительно посмотрел на Мию.

– Здесь все нормально. Ничего не подмешала?

Мия отобрала у него стакан. Сделала несколько показательных глотков.

– Где таблетки?

Мия нашла таблетки. Высыпала их в руку и дала Егору.

– Спасибо – Егор выпил воду и выпрямился на диване.

– Я выключу свет?

Мия погасила свет. Легла напротив на раскладном кресле. В наступившей темноте, как обычно, Егор выбрал свою думательную точку. Круглый краешек багета чуть повыше окна. Глаза слипались. Бекетов протирал их руками, но тяжесть утвердилась в висках и веки закрывались сами собой.

– Мия! – позвал Егор – Ты что подмешала в воду?

– Ты параноик – отозвалась девочка. – Я просто подменила таблетки.

Ответить на такую безудержную наглость Егор не успел. Утром он ничего не рассказал Мие, а проснувшись два дня из-за повторяющихся приступов, он сказал.

- Собирайся.
- Едем. Куда. – вспыхнула от радости Мия
- Я позвонил профессору Мирбаху. Нас ждут на Камчатке.

Егор поднял свое изможденное выжненное страданием лицо. Голос его был совсем болезненным и жалким.

- Не хочу. Там не будет ничего кроме боли.
- Девочка стала серьезной. Она погладила Егора по голове.
- Что мы можем поделать, Оноданга.
- Там опять будет Перекресток.
- Будет – подтвердила девочка. – Но ты справишься. Ты Оноданга.
- Мия присела, чтобы видеть глаза Егора.
- Земле плохо, Бекетов. Стань Онодангой. Помоги ей.

Тем же вечером они сели в поезд, идущий на восток. Для Бекетова дорога к цели стала облегчением. Чем ближе к месту назначения тем реже повторялись приступы, а сейчас, сидя в Птеродактиле, физически он чувствовал себя превосходно. Если бы не предчувствие неизбежного. Земле было плохо – сказала Мия. Но разве нет других таких как он? Да полно – возмутился про себя Бекетов. По крайней мере он знал двоих. Как знал... Но ведь должны же быть? Как так? 7 миллиардов и один Бекетов? Разве я один знаю, что она хранит в себе не только нефть, газ и кошачьи какашки? А он... – Бекетов сжал губы. Он начал усиленно жалеть себя как одинокую жертву заговора всего семимиллиардного населения планеты Земля. Но хорошенько пожалеть себя не получилось. В него попал салатный шарик для большого тенниса и отскочил назад. Он был привязан парашуткой к рычагу в кабине пилота. Из-за шума во время полета Серегин использовал шарик вместо голоса. Серегин звал Бекетова к себе в кабину. Пошатываясь, Бекетов пробрался к Серегину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.